

ЧАСТЬ I

Июль 1791 года

Глава 1

Скалистый мыс поражал великолепием: за огромным синим заливом, состоящим из маленьких бухточек со спокойной морской гладью, тянулись пологие зеленые холмы в глубь незнакомой суши. Сиднейская бухта, к которой медленно приближался корабль, ласкала взор. Фейт Блэксток баюкала у груди спящую трехлетнюю Чарити, а дрожащая от волнения пятилетняя Хоуп прижималась к матери.

С берега уже доносились подзабытые благодатные ароматы: земли, растительности, костра, — и Фейт заметила, что, невзирая на сильную усталость и отчаяние, у нее улучшается настроение. Что бы ни произошло с ними в Новом Южном Уэльсе, это должно быть не хуже пережитого — пребывания на судне с каторжниками. Хоть твердую почву почувствуют под ногами.

Фейт, положив руку на белокурую головку старшей дочери, смотрела на бухту и мыс, простирающийся на манер указательного пальца. Слева от него в залив впадала река. К подножию скалы, как ласточкины гнезда, прилепились хижины, выстроенные, похоже, из подножных материалов. За хи-

барами виднелись строения побольше — из дерева, кирпича и камня. С ветвей эвкалиптовых деревьев, растущих на берегу, доносились громкие голоса разноцветных птиц, шумно перелетавших с места на место.

— Мама?

Хоуп потянула ее за юбку, и Фейт посмотрела на бледное личико в обрамлении грязных светлопепельных волос. От внимательного взгляда зеленых глаз Фейт почувствовала, как у нее потеплело в груди. Хоуп стойко перенесла эти восемь месяцев и выдержала жуткие условия их корабельного быта: качку, отвратительную пищу, отсутствие даже минимальных удобств. Пресной воды не хватало, и они были вынуждены мыться морской, настолько соленой, что кожу обжигало огнем. Всюду бегали крысы, на борту свирепствовала цинга. Многие пассажиры корабля, в том числе Фейт и Чарити, страдали от морской болезни и прочих недугов, отчего в трюмах стояло невыносимое зловоние. Были и те, кто не смог перенести длительного путешествия и умирали в пути, чему капитаны третьей флотилии были только рады: в Сиднее пайки умерших продавались с большой выгодой.

— Мама, мы будем жить теперь здесь? — спросила девочка.

— Да, дорогая, — с улыбкой ответила Фейт дочери. — Вы с Чарити скоро привыкнете, и, я уверена, полюбите это место. Главное — ничего не бойтесь.

— Обещаю, что буду храброй, — сказала Хоуп.

Фейт обняла дочь и, чтобы не расплакаться, устремила взор на приближающийся берег. Чтобы выжить, нельзя расслабляться — она прекрасно это понимала. Когда они покидали Англию, младшей дочери исполнилось два года, и Фейт боялась, что крошка не переживет трудного путешествия. Может, так бы и случилось, если бы не Хоуп. Девочка заботилась о сестренке, когда Фейт была больна или слишком утомлена, как заправская сиделка, и не жаловалась, если мать отдавала Чарити бóльшую часть своей еды. И малышка выжила. Они все выжили.

Фейт почувствовала, как глаза опять застилают слезы, стоило подумать, что больше у них на этом свете никого нет. Вместо счастливого детства что получили ее дочери? Их прогнали с родины, заклеямили как воровок и отправили в колонию для преступников на край света. Когда же начались все эти страшные события? Когда Лютер бросил их? Или сразу после того, как она вышла за него замуж?

Она с трудом вспоминала лицо своего отца, а вот его слова до сих пор звучали в ушах: «Запомни, девочка: однажды ты горько пожалеешь о своем решении выйти замуж за этого человека. Ты для него вещь — использует и выбросит. Не надейся, что сможешь вернуться обратно! Назад пути нет. Дальше — сама!» Фейт горько усмехнулась: как в воду глядел.

Она выросла в семье процветающего торговца, но рано осталась без матери: та умерла от чумы.

Отец больше не собирался жениться, и в пятнадцать лет Фейт стала хозяйкой дома, а ее единственный брат, с которым они были не очень близки, нанялся матросом на корабль.

Все было замечательно до тех пор, пока не стала женой Лютера Блэкстока. Девушка была буквально очарована его обаянием, а в итоге Лютер бросил ее с ребенком на руках, беременной и практически нищей. Незадолго до этого он сказал, что рассчитывал на средства ее отца и ожидал, что старик когда-нибудь даст дочери приданое. Через два года после свадьбы Фейт ее отец умер от кровоизлияния в мозг, и стало ясно: дочь он так и не простил, и никаких денег не предвидится. И тогда Лютер сбежал, бросив беременную жену и ребенка.

Фейт приходилось браться за любую работу, что перепадала время от времени, даже самую грязную и унижительную, заниматься попрошайничеством и, в конце концов, воровать, чтобы только ее дети не умерли от голода. Так и вышло, что буханку хлеба она оплатила собственной свободой. Она никогда не сможет забыть слов хмурого краснолицего судьи: «Присуждаю вас, Фейт Блэксток, к ссылке за море сроком на пятнадцать лет!» Изгнание с родины — вот во что им обошелся кусок хлеба.

Вспомнив об этом, Фейт стояла на палубе и сгорала от гнева и стыда. Местные хулиганы бегали по берегу и распевали: «Бандит, убийца, негодяй из Ботани-Бей убегай!»

Малышка вдруг резко вскрикнула, и Фейт поняла, что случайно слишком сильно сжала ее в объятиях. Чарити родилась такой же хорошенькой, как и сестра, но только темноволосой и походила на бабушку — мать Фейт, а еще хрупкой и очень слабой.

— Мама, смотри, какие забавные люди! — вдруг воскликнула Хоуп.

Фейт взглянула на крутые скалы возле гавани, где сидели несколько чернокожих, почти голых мужчин с лесками в руках.

— Боже ты мой! Вот кошмар-то! — воскликнула краснолицая, неопрятного вида матрона, стоявшая рядом с Фейт. — Нет, негров-то я видала, но эти прямо громилы какие-то. Мне совсем не хочется жить в такой компании!

Стоявший неподалеку мужчина кашлянул, привлекая к себе внимание.

— Говорят, они убийцы: расправились с парнями, прибывшими сюда с первой флотилией, — но вроде бы теперь они безопасны.

— Боже! — воскликнула та же матрона. — Вы только поглядите! Они же абсолютно голые! Как им только не стыдно?

— Гм, — раздался скрипучий голос, — а чего от них ожидать? Это же дикари, только-только с деревьев слезли. Разве они могут вести себя как нормальные люди?

Фейт не хотелось участвовать в этом обмене сплетнями, и, подтолкнув ногой саквояж с их пожитками, она отошла подальше от этой пары.

Кое-кто из пассажиров, как и Фейт, был арестован за мелкие преступления, но в основном это были отъявленные мерзавцы, и среди них женщины, увы, составляли подавляющее большинство. Эти дамы курили короткие трубки, одевались вульгарно, дрались, ругались и непристойно выражались. Фейт старалась никак с ними не контактировать, а дочерей и вовсе от них прятать.

— Мама, смотри! — Хоуп дернула Фейт за юбку. — В лодках тоже смешные женщины!

Фейт прикрыла ладонью глаза от солнца и посмотрела на залив: неподалеку от корабля действительно качались на волнах несколько утлых суденышек, выдолбленных из древесной коры. Ее удивило, что этими, по-видимому, очень непрочными и неустойчивыми лодчонками управляют женщины — такие же обнаженные и темные, как те мужчины, что рыбачили на скалах. Все они и правда были как животные, ничего общего с теми, кого ей доводилось видеть раньше. Женщины, очевидно, тоже рыбачили. Над суденышками поднимался дымок, и его тонкие струйки проплывали над головами там сидевших чернокожих.

— У них что, в лодках костер? — удивилась Хоуп.

— Не знаю, крошка, — ответила Фейт. — Видимо, они ловят рыбу и сразу в лодке готовят...

Хоуп кивнула и лишь крепче прижалась к ногам матери.

Когда корабль поравнялся с одним из суденышек, девочка все же воскликнула, не в силах дольше сдерживаться:

— Мама, смотри, какая страшная тетя!

— Тише, она может услышать тебя! — сказала Фейт и подумала о том, что эта чернокожая женщина с сильно выступающими скулами, тяжелым подбородком и густыми бровями, нависшими над глубоко посаженными глазами, действительно пугала. Жесткие кудрявые волосы окружали ее лицо словно огромная черная шапка.

Когда их судно проплывало мимо ее лодки, негритянка встала, и Фейт поняла, что девушка очень молода: ее темное лицо расплылось в широкой белозубой и обаятельной улыбке, — это было, пожалуй, первое проявление дружелюбия с тех пор, как они покинули Англию.

Тем временем корабль приблизился к берегу, и Фейт слышала звук опускаемой якорной цепи. Чарити к этому моменту окончательно проснулась и не желала больше сидеть на руках у матери, и Фейт пришлось поставить ее на палубу, удерживая за руки.

Стали опускать шлюпки, и моряки, исполнявшие обязанности охранников, выстроили каторжников в шеренги. Фейт с дочерьми встала рядом с лестницей, поэтому должна была сесть во вторую шлюпку, отправлявшуюся на берег. Малышка Чарити заплакала, испугавшись крутого спуска по лестнице, а Хоуп, напротив, с любопытством озиралась по сторонам.

Устроившись в шлюпке, Фейт рассматривала длинный мыс. Там, где он возвышался, она заметила небольшое сооружение, похожее чайку, сидящую на спине кита. Размером это единственное строение на мысе было не больше хижины и стояло обособленно. «Интересно, кто там живет?» — подумала Фейт, указывая Хоуп на этот маленький домик.

Затем шлюпка ударилась о берег. Долгие месяцы в море не прошли даром: Фейт едва не упала, ступив на сушу, но зато как приятно чувствовать под ногами твердую почву! Очень хотелось потрогать траву рукой, но солдаты погнажи их вперед. Тут же новоприбывших окружили плохо одетые, истощенные люди, и со всех сторон послышались голоса:

— Мы умираем тут с голоду! Вы привезли провизию?

— Мы сидим на подножном корме и рыбе, если получается поймать!

— Весь скот сдох!

— Муравьи и полевые мыши съедают все посевы!

— Здесь полно крыс! От нашего запаса продуктов ничего не осталось!

— Судно «Гардиан» с продовольствием столкнулось у Кейптауна с айсбергом и затонуло...

Пораженный этим шквалом жалоб, дежурный офицер остановил группу осужденных и принялся успокаивать поселенцев. Фейт почувствовала исходившие от толпы страх и гнев и прижала к себе

дочерей. Неужели их сослали сюда, чтобы они умерли с голоду?

— Подождите! — крикнул офицер. — Послушайте меня, добрые люди! Мы привезли еду, хватит на всех! Когда каторжники окажутся на берегу, мы выгрузим провизию.

Волнение среди поселенцев постепенно начало спадать, и толпа разошлась. Лишь несколько любопытных наблюдателей глазели на прибывших.

Глава 2

Когда толпа рассеялась, Хоуп обратила внимание на мальчишку лет двенадцати. Худенький, в ветхой одежде, с каштановыми волосами, заплетенными в косичку, он сновал среди прибывших, кому-то что-то говорил или спрашивал, а затем убегал дальше.

Фейт заметила перевернутый пустой ящик и устроилась на нем передохнуть, усадив Чарити на колени, а саквояж с их вещами поставив рядом. Как всегда, ее внимание полностью занимала малышка, и Хоуп вдруг почувствовала обиду. На корабле девочке казалось, что это естественно, ведь сестренка еще совсем маленькая и слабенькая, но порой, когда та капризничала, а мать уделяла ей слишком уж много внимания, Хоуп охватывало какое-то неприятное чувство вроде ревности и брезгливости.

Внимательно взглянув на мать, заметив, как она бледна и измучена, Хоуп устыдилась своих мыслей:

она же сильная и должна помогать матери — так часто ей говорили, да она и сама это понимала.

Любознательная по натуре, она обладала неумной энергией и умела находить во всем свою прелесть. Даже во время этого долгого и утомительного путешествия всегда находилось что-нибудь новое, что привлекало внимание Хоуп, а теперь, оказавшись в новой стране, ей столько всего предстояло увидеть и узнать, что голова шла кругом: она никак не могла решить, с чего же начать. Сейчас все ее внимание сосредоточилось на солдатах с мушкетами, которые согнали всех осужденных мужчин в одну сторону, выстроили полукругом и каждому прикрепили на спину номер.

Поскольку все внимание Фейт заняла раскாпризничавшаяся Чарити, Хоуп решила потихоньку осмотреться и отправилась погулять между хижинами. Она никогда не видела подобных жилищ и не могла устоять, чтобы не заглянуть в некоторые. Оказалось, что внутри вонь стояла невыносимая и так темно, что разглядеть почти ничего не удавалось. Ее никто не окликнул, она решила, что внутри пусто, и, постепенно осмелев, зашла в одну из хижин. Ее глаза уже начали было привыкать к темноте, когда в углу что-то зашевелилось. Она решила, что это, должно быть, крысы, когда вдруг на свет божий появилась нечесаная голова и на девочку уставились два злобных глаза.

— Ну вот, — проворчал кто-то скрипучим голосом, — уже и подремать нельзя: обязательно